

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию ЧЖУ ЦЗЫЦЗИН

на тему «Проза писателей-врачей первой трети XX века: особенности поэтики»,

представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности 5.9.1 – Русская литература

и литературы народов Российской Федерации

Работа Чжу Цзыцзин посвящена актуальной теме, так как в ней А.П. Чехов, В.В. Вересаев и М.А. Булгаков показаны как предтечи такого актуального явления как нарративная медицина. Особенно важным представляется вывод о том, что «В наши дни подход Вересаева к изображению врачебной жизни может оказаться столь же актуальным и востребованным, как и подход Булгакова». (С. 144)

Представляется очень удачным сравнение: «Пациент перед врачом – словно рукопись при писателе, а заболевание каждого пациента – повествовательный текст, который начинается с симптомов и заканчивается диагнозом». (С. 34) Можно согласиться с заключением о том, что «Писатели-врачи объединяют медицину и эстетику, а медицинский нарратив становится их уникальным способом самовыражения». (С. 72)

Оригинален и интересен вывод о том, что писатель-врач «прячет некий подтекст в аптечных терминах и рецептах, чтобы создать эффект наличия своеобразного «языка-кода», или посредника, между специалистами и теми, кому доступно профессиональное знание, что повышает читательский интерес к прозе писателей-врачей. В результате у читателя возникает иллюзия некоего скрытого взаимопонимания с автором, который вступает в диалог лишь с «посвященными». (С. 39) Также вполне правомерно отнесение приема, использованного в рассказе Чехова «Сельские эскулапы», к «факультативной интертекстуальности», когда комический эффект становится понятен только тем, кто знаком с медицинской терминологией. (С. 40)

Можно вполне согласиться с тем, что у писателей-врачей «попытка выявить причины болезни, схватка с нею и (возможно) победа – все эти коллизии складываются если не в детективный сюжет, основанный на расследовании, то по крайней мере в яркую и динамичную историю». (С. 45)

При рассмотрении «Записок врача» Вересаева в контексте традиций натуральной школы диссертантка остроумно замечает, что «знаменитая «гоголевская «Шинель»», из которой и «вышли» мастера русской психологической прозы, есть не что иное, как натуральная школа, заметно «сузившая» гоголевское наследие – не принявшая его гротескного реализма». (С. 62) Можно согласиться с выводом о том, что Вересаев,

подобно Гоголю, «стремится на примере одной социальной или профессиональной группы показать всю Россию», и во многом поэтому «Вересаев в своих записках и не раскрывается как психолог». (С. 62-63) Зато «Записки врача», несмотря на важность отраженной в них профессиональной проблематики, были прочитаны как «приговор всему социальному строю». (С. 64)

Диссертантка подчеркивает, что Вересаев откровенно писал о всех врачебных ошибках и промахах, о всех «скрытых фактах» профессии врача, чтобы вызвать их широкое обсуждение и уменьшить вероятность их повторения в будущем. (С. 81) В этом принципиальное отличие «Записок врача» от булгаковских «Записок юного врача», где юный врач чрезвычайно успешен и практически не совершает ошибок. В диссертации подчеркивается, что «Булгаковские «Записки», в отличие от вересаевских, внушают читателю веру в возможность победы профессионала над косной материей». (С. 93) Диссертантка справедливо заключает, что если М.А. Булгаков совершил актуальные открытия в интермедийной сфере, то В.В. Вересаев «демонстративно избавляется от проявлений художественности в жанре, граничащем с жанром исповеди, наиболее «пригодной» для проявлений лирического, предельно субъективного начала, – словом, всего того, что ассоциируется именно с художественной литературой», соединив «Записках врача» «черты физиологического очерка, исповеди, «записок», романа воспитания, романа социального и других вполне канонических жанров». (С. 83)

Интересной представляется попытка диссертантки поставить «Записки юного врача» в контекст «производственного романа». Как и в произведениях этого жанра, булгаковский герой «после ряда испытаний и невзгод обретает и личностный рост, и профессиональное мастерство». (С. 93) Можно вполне согласиться с выводом о том, что в «Записках юного врача» «Булгаков мастерски вплетает в повествовательную ткань профессиональную лексику, не перегружая текст избыточными деталями и подробностями, но отбирая лишь те, которые необходимы для создания эффекта присутствия в описываемом пространстве». (С. 94) При этом «у Булгакова сама медицина возведена в ранг искусства», тогда как у Вересаева литература только «получает медицинскую «прививку» (элементы врачебных записей)». (С. 95)

Диссертантка закономерно проводит «параллель между революцией и вторжением в естественный ход вещей» в булгаковском рассказе «Крещение поворотом» и повести «Собачье сердце». (С. 104) Оправданным представляется сопоставление цикла «Записки юного врача» с обрядом инициации. (С. 106-109)

Интересным является наблюдение, что Булгаков в повести «Роковые яйца» «использует знаковый образ: Чумной Доктор одет в специальный защитный костюм и оригинальную маску в форме птичьего клюва. Объединение доктора и солдата во внешнем имидже естественно и усиливает сравнение такого небывалого бедствия с чумой». (С. 114)

К достоинствам диссертации относится то, что в ней рассмотрено отражение врачебной темы не только в «Записках юного врача» и «Морфии», но и в других булгаковских произведениях. Диссертантка делает верное заключение о том, что в романе «Мастер и Маргарита» «психиатрическая клиника выступает одним из главных центров

романа, важное пространство для психического развития персонажа и ключевое звено разных пространственно-временных миров». (С. 117)

Важным представляется вывод о том, что «сумерки в произведениях Булгакова становятся метафорой пограничного состояния, символом перехода между стабильностью и хаосом – как в психическом, так и в нравственном плане». (С. 127)

Можно вполне согласиться с выводом о том, что в «Записках врача» Вересаев привержен натурализму в его «более первичном значении»: «Взамен физиологии города в его социальном контексте, на что опиралась натуральная школа в жанре физиологического очерка, появляется акцент на физиологию в буквальном смысле — детализированные натуралистические описания, передающие жизнь тела». И здесь «Вересаев оказывается более откровенным и беспощадным, чем Булгаков, который щадит чувства читателя и даже в самых шокирующих сценах (например, ампутации) позволяет «отвести взгляд» или сам «отводит камеру»». (С. 137) В то же время, «Мифопоэтическая природа булгаковских записок контрастирует с «голым» натурализмом Вересаева». (С. 139)

Верным представляется наблюдение, что «травестия Маяковского (где звезды одновременно плевочки и жемчужины) в «Записках юного врача» трансформируется в бурлеск (язвы — звезды)». (С. 138)

Заслуживает внимания вывод о том, что «произведения Вересаева, наследника русской психологической прозы, демонстрируют личностное, глубинное проникновение в человеческую природу и действительность, что выводит его творчество за пределы традиционной социальной проблематики». (С. 147)

Диссертантка справедливо отмечает, что в «Записках юного врача» «Булгаков подчеркивает, что речь идет о зрелости не только человека, но и профессионала своего дела – и благодаря этому в цикле проступают черты и производственного романа». (С. 175-176)

Не вызывает сомнения общий вывод о том, что в «Записках юного врача» «Схватка жизни и смерти, добра и зла, разума и невежества реализуется <...> с помощью цветописы, фольклорно-культурных аллюзий и образных символов с метафорическим значением, не просто укрупняя сюжет, но придавая ему поистине сакральный смысл». (С. 182)

Обоснованным представляется и еще один общий вывод о том, что Вересаев в «Записках врача» стал «создателем направления, находящегося на стыке естественных наук (таких как медицина и биология) и гуманитарной сферы (литература). Произведение Вересаева соединяет в себе черты различных жанров – от физиологического очерка до исповеди, «записок», романа воспитания и социального романа, придавая каждому из этих жанров новое дыхание». (С. 186)

Сравнение творчества классика современной китайской литературы Лу Синя, врача по профессии, с творчеством русских писателей-врачей (С. 155-168) позволило диссертантке сделать вывод о том, что их произведения представляют собой «важные

этапы в процессе столкновения и синтеза старых и новых литературных направлений в Китае и России» и сыграли «ключевую роль в переходе искусства от реализма к модернизму (или неореализму)». (С. 187-188)

Результаты исследования могут быть использованы в общих и специальных лекционных курсах и на семинарских занятиях, а также в научных исследованиях, посвященных нарративной медицине и истории русской литературы первой трети XIX века.

Вместе с общей высокой положительной оценкой работы Чжу Цзыцин необходимо отметить, что в диссертации встречаются отдельные ошибки и дискуссионные места.

На с. 16 Владимир Даль назван среди «пишущих врачей», но на той же странице его рассказ «Мёртвое тело» отнесен к произведениям писателей, которые не являлись профессиональными врачами, хотя общеизвестно, что Даль был военным врачом.

На с. 27 Чехов, Вересаев и Булгаков названы русскими врачами-писателями XIX века. Правильнее было бы говорить о врачах-писателях XIX-XX веков, так как все трое писали также в XX веке, а Булгаков – только в XX веке.

Как нам представляется, предложенный М.В. Игнатенко термин «медицинская проза» для обозначения произведений медицинской тематики, созданных людьми без медицинского образования и опыта, чтобы отличить их от «врачебной прозы» - произведений, созданных профессиональными медиками (С. 37), не является удачным, так как его легко спутать с «врачебной прозой» из-за синонимичности слов «медик» и «врач», из-за чего оба термина легко могут восприниматься как синонимы. Данное обстоятельство стоило бы отметить в диссертации.

1-й том 5-томного собрания сочинения М.А. Булгакова, в котором был впервые в СССР опубликован полный цикл «Записки юного врача», был издан не в 1992-м (С. 84), а в 1989 году.

Вряд ли о произведениях А.И. Солженицына можно сказать, что там воспевается труд как «путь к свободе и творчеству». (С. 87-88) В «Одном дне Ивана Денисовича», «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» речь идет о подневольном труде заключенных, который вряд ли имеет отношение к свободе и творчеству.

Пьеса Булгакова «Багровый остров» была опубликована не в 1924 году (С. 114), а только после смерти автора. И вряд ли большевистский режим можно назвать «красноармейским». (С. 114)

В булгаковском рассказе «Красная корона» фигурирует не повешенный солдат-большевик, (С. 123) а повешенный рабочий.

Однако выявленные немногочисленные ошибки и дискуссионные места не относятся к основному содержанию диссертации и не ставят под сомнение ее выводы.

Автореферат и публикации отражают основные положения диссертационного исследования.

Диссертация Чжу Цзыцзин отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1.-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно положению № 5,6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Чжу Цзыцзин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук,
Научный консультант главного редактора издательства «Вече»
СОКОЛОВ Борис Вадимович

Подпись

Дата подписания: 13.01.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.01.01– Русская литература

Адрес места работы: 127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48 корп. 1, Издательство «Вече»

Тел.: рабочий телефон: 8-(499) 940-48-70, e-mail: адрес официальной почты:
veche@veche.ru